

В марте состоятся очередные президентские выборы, результат которых запрограммирован на убедительную победу Владимира Путина. Для президента это будет официально четвертый срок, реально общая продолжительность его нахождения у власти насчитывает почти 18 лет. Однако если прежние годы были относительно стабильными именно во внутриполитическом контексте, то предстоящий очередной срок может стать сильнейшим политическим испытанием, связанным именно с процессами, происходящими внутри России.

Мы привыкли к тому, что режим Путина функционирует практически без внутриполитических сбоев. Парламент находится под контролем администрации президента, партийная система опирается на доминирующую партию власти и все более «конструктивную» системную оппозицию, общая социальная поддержка остается крайне высокой, базирующейся на уже едва ли не официально легитимированной безальтернативности Путина, политическое пространство практически вычищено. Пожалуй, построение жесткой вертикали власти, вобравшей в себя и законодательную, и судебную ветви власти, дошедшей до регионов и местного самоуправления, выглядит главным институциональным завоеванием Путина внутри страны. Новый срок, однако, обещает быть качественно иным: президенту в случае успешного переизбрания придется столкнуться с вызовами, работать с которыми у власти нет ни навыков, ни опыта.

Вызов первый – внутриэлитные размежевания. До сих пор общая логика отношений власти и элиты работала по железному правилу: чем сильнее внешнее давление, чем сложнее геополитическая ситуация и внешние риски, тем консолидированнее элиты вокруг президента, тем более антизападными становятся настроения. Даже в среде так называемых системных либералов на протяжении третьего срока Путина, после аннексии Крыма, ощущалось острое разочарование политикой Вашингтона и старой Европы, выстроивших жесткую солидарную антироссийскую политику сдерживания. Однако логика элитного группирования вокруг «национального лидера» актуальна лишь до тех пор, пока этот лидер способен выполнять роль гаранта сохранности и наращивания капиталов, стабильности внутренних правил игры, внятности негласных, неформальных механизмов функционирования власти по «путинским понятиям». Вся эта

путинская неформальная система правил начала быстро рушиться к концу его третьего срока и с высокой степенью вероятности продолжит распадаться в течение первых лет после его переизбрания.

Третий срок Путина: что было обещано и что сделано

Только в 2017 г. произошла масса событий, последствия которых окажут серьезное влияние на психологию крупных ресурсобеспеченных игроков, причем как близких к Путину, так и автономных от него. Эмиграция православных и полностью лояльных братьев Ананьевых, потерявших банк в результате жесткой политики ЦБ (справедливость этой политики – отдельный вопрос), сильнейший удар по АФК «Система», вынужденной в итоге пойти на сделку с «Роснефтью» и выплатить компании 100 млрд руб. долга, насчитанного Сечиным по его собственным понятиям «справедливости», принуждение энергетических компаний к покупке судов сечинского судостроительного завода «Звезда», осуждение на восемь лет колонии строгого режима бывшего министра экономического развития Алексея Улюкаева, что стало триумфом сращивания корпоративных интересов друзей Путина с силовым ресурсом, – эти события при всей их разнице связывает одно: значительное расширение степени дозволенного тем институтам и структурам, которые получили особое расположение президента. Будь то ЦБ или г-н Сечин, ФСБ или Росгвардия (а эта структура с ее амбициями и исключительными политическими преимуществами заслуживает отдельного текста), каждый из этих институтов своей активностью доказал не только готовность жестко продвигать свои корпоративные интересы, но и, что самое главное, делать это без особой оглядки на Путина. По итогам третьего срока стало понятно, что многим привилегированным позволено гораздо больше, чем казалось, а сам Путин явно не торопится утруждать себя погружением во внутривнутрироссийские споры и конфликты. Начало четвертого срока закрепит этот тренд «войны всех против всех», путинских против путинских, конкуренции между сильными и влиятельными структурами власти или «хозяйствующими субъектами». И чем больше будет конфликтов, тем сложнее Путину будет следить за этим, реагировать на это, играть свою арбитражную роль, становящуюся скорее исключительной и экстренной. Дистанция между Путиным и элитами будет расти, а вместе с этим – нервозность и недовольство политическим функционалом президента внутри страны. Остающийся все чаще наедине с военными и спецслужбами Путин рискует утратить свой неформальный статус политического лидера околосударственного олигархата, ключевые представители которых в очень скором времени начнут вести свою собственную игру, активно приватизируя государственные функции, все реже считаясь как с интересами президента, так и с самим фактом его существования. Это станет началом вялотекущего, но драматичного политического скукоживания Путина как политического института и гаранта стабильности системы.

Критичный для стабильности режима вызов номер два – обманчивая системность парламентской оппозиции, которую наблюдатели, и справедливо, перестали воспринимать как реальную политическую силу. В рамках четвертого срока стоит ждать начала этапа самой глубокой трансформации системных политических партий, способных оказаться вопреки ожиданиям одной из самых существенных внутривнутриполитических угроз Путину. Косвенным подтверждением этому уже были события конца 2011 г., когда на фоне массовых акций протеста началось заметное брожение в КПРФ, «Справедливой России», оживилось позабытое всеми «Яблоко». Тогда Кремль хвастался способностью переломить опасный тренд, приглушить протесты, провести спустя несколько месяцев предсказуемые и спокойные выборы с высоким результатом для Путина. Однако заслуга ли это администрации президента? С протестами как с мировыми ценами на нефть: стабилизация наступает вслед за стабилизацией конъюнктуры. Бюджетного кризиса удавалось избежать в моменты критичного падения мировых энергетических котировок вовсе не благодаря гениальной политике российского правительства, а из-за перелома общего тренда и смены направления движения нефтяных цен. Точно так же и политический кризис в конце 2011 г. затих в силу ослабления социальной инерции протеста. Продолжение протестов, сохранение их относительной массовости неизбежно стали бы политическим шоком для Кремля и выстроенной им системы.

В конце 2011 – начале 2012 г. власть относительно безболезненно пережила протестную волну, которая оказалась непродолжительной. Однако именно с этого времени вплоть до начала 2014 г. наблюдался постепенный моральный износ режима. Избежав резкой дестабилизации, Кремль тогда получил медленную политическую эрозию режима, прекратившуюся на какое-то время в связи с крымской аннексией (это очень хорошо показывают индикаторы «Левада-центра», где с 2009 по 2014 г. уровень доверия Путину медленно снижался, а затем резко вырос после марта 2014 г.). Общий процесс девальвации Путина как политического лидера в рамках его третьего срока остановил Крым, во время четвертого срока никакого Крыма не будет. Неизбежен заход на второй трек медленного политического угасания «национального лидера», уже сейчас, даже не переизбравшись, испытывающего острый дефицит позитивных идей и вынужденного вернуться к любимой, а по сути, проигрышной игре в шантаж населения возвращением 90-х.

Моральный износ режима автоматически, какой бы искусной ни была путинская администрация с ее кураторами внутренней политики, приведет к оживлению системного оппозиционного поля. Стоит внимательно приглядеться к политикам второго и третьего ряда в КПРФ, ЛДПР, даже полумертвой «Справедливой России»: политическая эрозия режима спровоцирует выход из политической тени новых звезд, обреченных на то, чтобы бросить вызов партийным лидерам с их соглашательской и чрезмерно конструктивной тактикой отношений с Кремлем. Нарастание внутривнутрипартийных дискуссий, идеологические споры, ужесточение борьбы за лидерство

внутри системных партий – все это будет в повестке четвертого срока Путина, чья администрация будет вынуждена разруливать конфликты, стремясь, в первую очередь, загнать их как можно глубже. Такое размежевание в системных силах заставит чаще проявлять гибкость в отношениях с внесистемной оппозицией, формировать гибридные формы отношений с несогласными всех мастей – умеренными или более радикальными. Грань между системной и внесистемной оппозицией будет стираться, а фактический институт оппозиции, на сегодня загнанный в жестко управляемые формы, будет наполняться самостоятельным политическим смыслом, с которым Кремлю придется считаться.

Наконец, третий политический вызов – разбалансировка административного ресурса, которая последует неизбежно за обозначенными выше трендами. Так ли в реальности управляемы губернаторы и министры, ФСБ и Росгвардия, Кадыров и Сечин? Административный ресурс, имеющий исключительное значение и для государственного управления, и для жизнедеятельности хозяйствующих субъектов, начнет разъедаться «политическими червями», образуя тройные, четверные механизмы лояльности бюрократии, а по сути, ее депутинизации. Это сегодня госкорпорация «Ростех» может позволить себе иметь в политическом активе Министерство промышленности и торговли, Минздрав, бывшего главу администрации президента в придачу (а Сергей Иванов сохраняет высокую активность и продолжает оказывать существенное влияние), да набор «своих» губернаторов. В случае административной разбалансировки прежние механизмы прекратят функционировать. На каждого «своего» министра найдется следователь ФСБ, на каждого друга Путина – компромат со стороны другого, не меньшего «друга». Все придет в движение в ситуации скукоживающегося в политическом смысле Путина, утрачивающего восприимчивость к настоящим угрозам, и оживляющегося политического поля.

Главная проблема Кремля (как, впрочем, и любой авторитарной власти, постепенно привыкающей к своей безальтернативности, инструментальной, но все более обманчивой эффективности и способности переигрывать слабеющих конкурентов) – в утрате рычагов управления ситуацией, когда политическое пространство приходит в движение. Придушенные ручные оппозиционеры, оказавшиеся в анабиозе, разрушенные институты диалога власти и общества, потерянные сенсоры считывания реальных социальных нужд, полное отсутствие образа будущего, превратившегося в проект вечной консервации настоящего, – все это обрекает власть лишь на два плохих варианта развития. Первый – прямой путь к жесткому авторитаризму и репрессиям с последующей неизбежной деградацией и «плохим концом». Второй – медленное саморазрушение под натиском социальных катаклизмов и обостренного запроса на перемены. Но и выбора между двумя этими сценариями у Кремля не будет: все решится по мере созревания социальной базы, взросления реальной оппозиции, набирающей опыта, а также исчерпания способности режима к адаптации и гибкости. Технократичность власти, о которой так много писалось в последний год, в

Чем опасен четвертый срок Путина

Автор: Татьяна Станова, Ведомости
29.01.2018 15:41

действительности не что иное, как медленное окостенение политического организма, устающего от чрезмерной политической подвижности и ищущего все более комфортное положение для своего политического «корпуса».

Статья подготовлена для аналитического проекта «План перемен»

Автор — руководитель аналитического департамента Центра политических технологий